

Ирина Глотова
Травелог в стиле сфумато

Ирина Глотова

Травелог в стиле сфумато

«Издательские решения»

Глотова И.

Травелог в стиле сфумато / И. Глотова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852012-9

Пустая стеклянная бутылка из-под воды поймала порыв ветра и зазвучала органным звуком... Фиксированная форма впустила движение и родился звук. Со мной происходит нечто подобное. Абрис мышления пульсирует взаимодействуя с движением воспринимающего потока. Структурное сопряжение порождает моё звучание в когнитивном волновом диапазоне. Остается только обозначить, чтобы поделиться, — основная потребность дня. Можно и не обозначать, просто быть в этом оттенке...

ISBN 978-5-44-852012-9

© Глотова И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Египет	7
Путешествие первое	7
Египет 2	10
Все оттенки песчаного	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Травелог в стиле сфумато

Ирина Глотова

*Посвящается моей старшей дочери Анне, вдохновительнице
и инициатору большинства моих путешествий.*

© Ирина Глотова, 2017

ISBN 978-5-4485-2012-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Несколько слов о жанре травелога. Современный исследователь этого жанра Ролан Ле Унен пишет – «путевые заметки очень старый жанр, имеющий в своей основе историю путешествия Геродота в Персию, Египет и Вавилон в V веке до н.э.»

При огромном разнообразии подобных текстов их объединяет две несомненные составляющие – во-первых, это непременно я-повествование и во-вторых, дискретность повествования влечет за собой композиционную размытость.

Именно второе, представленное в особой экзистенциальной оптике сфумато, представляет особое очарование жанра травелога.

Не географическо-логистические подробности, столь ценимые ресурсом TripAdvisor, а тонкий муар впечатлений, полный до краев магическими упражнениями на входе и, при определённых усилиях, подобный улыбке Будды на выходе.

Итак, дорогой читатель, в путь.

Египет

Путешествие первое

13 января 2012года. Абрис соснового леса диагональю в окне. Ломит юго-западный ветер, тот, что зовется атлантическим циклоном. Дождь смывает остатки в который раз выпавшего снега. В три часа по полуночи вылет в Египет. Спится на редкость безмятежно...

14 января. Менее чем за час домчались по пустому шоссе до Домодедово и только здесь обнаружили, что вылетаем из Шереметьево...

Зло посмеялись своей самонадеянности и рванулись на противоположную сторону Москвы. Как не странно, нас там ждали.

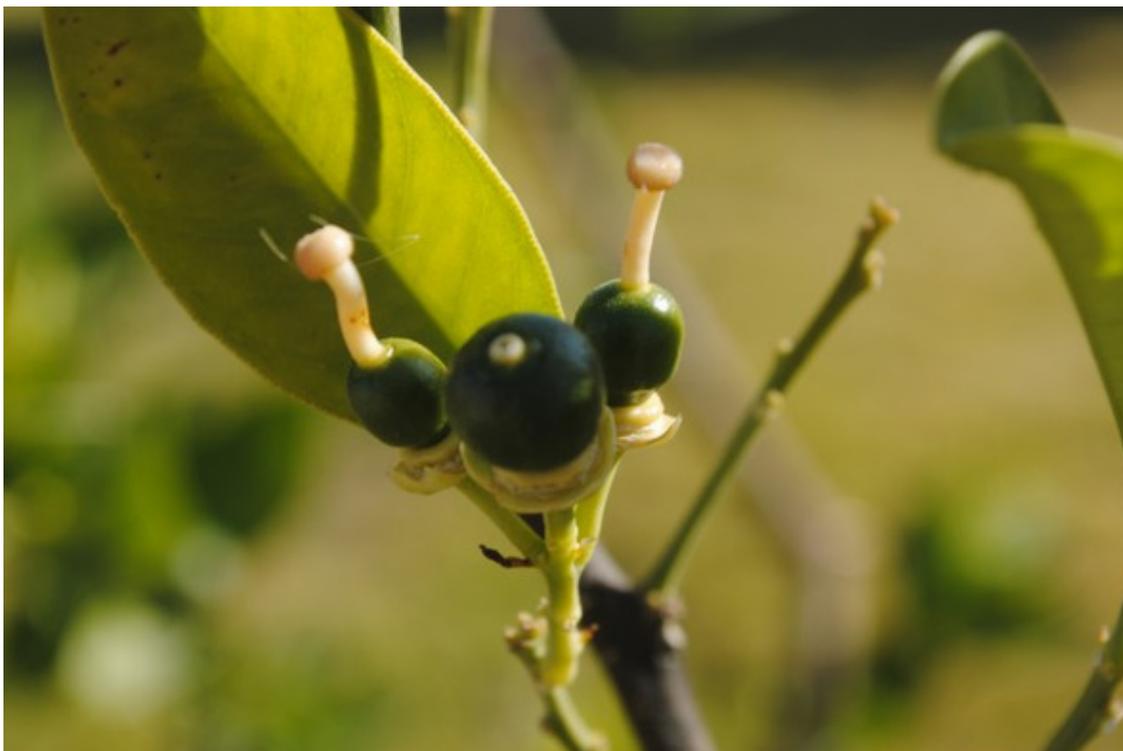
Морок взлета, вернее вылета из пелены, висящей третий месяц над Московией – тепло Атлантики, смрадное испарение никак неулягущегося снега и какое-то томительное, тягучее ощущение бесполезности всего.

Кое-как заснула вместе с гнездящейся, беспокойной Ниной и невозмутимой Аней. Поглядывала в промежутках на заснеженную Турцию, синее-пресинее Средиземное море. Хургада обдала нас неожиданно холодным ветром и температурой в одиннадцать градусов. Холодно-пыльно... совсем не ррреволюционно и нефиниково. Зато синие мусорные пакеты, беспрепятственно странствующие по пустыне, весело размахивали своими крыльями и громоздились на любой преграде.

Ну, а мы в местечковой Российской реальности... и почему-то мне от этого в первый раз уютно))

15 – 27 февраля. Две недели слились в один полноценный день. Так и хочется сказать что-то о сложившихся пазлах, о картине... но это не так. Такое гнусное у меня устройство – интересно только в первый раз. От этого поиска новизны в режиме pop-stop страница-одиночка по-детски тарашит глаза на все новое-неизвестное, от этого поиск потока, где значимость и новизна не обнуляют друг друга. Отсутствие новизны сводит на нет значимость. Неожиданный холод был нов, как и радиовышки, стилизованные под гигантские пальмы.

По запаху нашла единственное цветущее юное апельсиновое деревце с крошечными завязями плодов среди дежурных глициний, производящих впечатление искусственных цветов.

Отельный парадиз конечно не Египет. Как не Россия торжище перед Троице-Сергиевской лаврой... Испробовала-насытилась сказочно-подлинным египтом несколько лет назад в первый приезд, когда ехала вдоль берега Нила вечером. Не искусственно высаженные пальмы, плоть от плоти родных берегов, сахарный тростник, прямоугольники полей, ослики в повозках, домишки-лачуги, женщины, ведущие мелких египетских коров на каких-то скрученных с множеством узлов веревках, дохлый осел со смертной улыбкой и заломленным ухом, мужчины на корточках с выражением отсутствия в глазах (какие революции?) – все это вошло в меня тогда выражением жизни, наполнило оболочку знания о Египте, впитанного из книг-учебников-альбомов. Даже Луксор не запечатлелся так, как эта Нильская поездка. Хороша госпожа История, но живет ее Реальность здесь-и-теперь.

Быть и Иметь... Ощущение жизни и умение-желание принять ее, пропустить чрез себя со всеми последствиями, дать свое имя.

Шесть утра, встает солнце, Красное море у ног, справа лиловая мглистость пустыни, луна тщательно стареет, жгуче-холодный ветер... имею Египет...

Мой внутренний наблюдатель фиксирует возрастающую животность в человечестве и усталость в природе. Если честно, то это моя усталость-зрелость ощущает как-бы возрастающую животность. До пятидесяти лет гормональный фон декорирует жизненный спектакль, задает ритм-аромат-сочность. Потом начинаешь различать, что по-настоящему хорошо-плохо. Нейронные сети, если правильно использовались по назначению, начинают зрело-адекватно описывать Реальность. И вот тут-то является экзистенциальное сиротство. То самое, что иногда дается как блаженство на пике волны, а потом непременно дурнота падения в отсутствие... Знаешь, эта огромная пульсация всего лишь способ кормления популяции человеков, самок и самцов, каждый из которых двухслойная оболочка с головным концом с одной стороны и анусом с противоположной. Тоскливо-спокойно читаешь любую мотивацию, потому что любой это Ты, только в немного адаптационно-измененной форме. При этом всех прощаешь-понимаешь и ничего не хочешь...

Массажист Валид наверняка агент ЦРУ)) На вопрос «Ну как, революция?», отвечает – «Хорошо!» и с хрустом заламывает мне руки, пытаясь достать из-под лопатки нераскрывшиеся крылья. «А что хорошо?» – «Все!» ... «А американцы?» – «Какие американцы?»...

Ночным ветром сдуло лиану и теперь она лежит на песке прекрасным автографом жизни-смерти. Изящный каскад изгибов – история ее жизни. Говорит ли живое существо (за исключением человека) «Нет»? По моим наблюдениям уклонение-бегство есть отрицание на языке живого. В уклонении вся красота и причудливость жизненных форм. Абрис жизни – встреча с принятием или уклонением, последствие сцепляется с последствием, так прокладывается уникальное русло. Подчас не поймешь, то ли тебя хранят берега, то ли ты их...

Сегодняшний день имеет консистенцию, реально, безо всякой метафизики... Как может чувствовать себя цукат в суфле или галушка в молоке? Цвет-вкус-аромат всего, что окружает меня и часть сегодняшнего дня молочно-жемчужно-легкое,.. воздух, сход неба-морья на горизонте и вокруг, все нереально насыщено и одновременно легко и прозрачно. Я – блаженное тело в блаженной среде. Пространство есть различение от предмета к предмету, здесь же – неполное слияние в общности стихий. Вся прелесть в зыбкости чрезвычайной и одновременно в массивности природной...

Лунная дорожка на крыле самолета, антициклон над Московской, минус двадцать в воздухе,.. удовлетворение с легкой пульсацией раздражения во мне... скорее по привычке, стискиваю зубы. Закрой рот, мой внутренний наблюдатель, приземляемся в Шереметьево...

Египет 2

Все оттенки песчаного

Ты знаешь, стихии взаимосбалансированы.
Ветры-Воды-Солнце... как вложенные послания в оттенки песчаного.
Протяжный, слегка раскосый взгляд Пустыни, не от лукавства – от широко поставленных глаз,
от попыток видеть, что там, за спиной.
А там тысячами одно и то же – все оттенки пространства неопределенности, которые можно заполнить воображением.

Волна с ухающим всхлипом входит в-под-берег, создавая эффект живой утробности и добавляя-даря оттенок методичного пахтанья с сопутствующим разделением плотностей.

Влажная уложенность песка дополняется неизменно новым ходом-оттиском следующего наката...

Ветер, чаще северо-восточный, при всей своей пульсирующей напористости – низовой. От него легко укрыться, присев за бархан или за любой иной возвышающийся предмет. Как и море он льнет к неску, даря свой оттенок плотной вылизанности. Ему не в чем шуметь, поэтому шуршит песчинками...

Ночь... тишина... уж не в камере ли я сенсорной депривации?
Хотя что-то подстилает фон различения.

Наутро определяю оттенок крабового следа.

Стандартно дороги либо закольцовываются, либо куда-то приводят.

Здесь нестандартный оттенок – подобно воде, дорога может «уйти в песок»...

Ныряю в глаза верблюда... прежде насмотревшись на его уродливое тело (поспору с считающими стандартом божьего изуродования черепаху:).

Стоптаные в потертой плешивой мягкости ноги, выгнутая крюком шея, раздвоенная верхняя губа (про горб умолчу).

Натыкаюсь на полуприкрытые глаза и... узнаю друга.

Он давно меня разглядел и ждал контакта.

Вижу «песчаную печаль верблюжьего глаза»...

На языке вертится «хижина», но воспользуюсь словом «жилище», как сосуда-вместилища жизни в радиусе чуть больше чем одежда.

Личная витальная площадь в пару квадратных метров.

Сегодня набрела на оставленное жилище.

Деревце у входа уже лишилось листьев и производит впечатление умершего.

Но один зеленый листик сигналист о глубоком анабиозе.

Его Величество Солнце в отсутствии воды меняет цвет хлорофилла до глубоко-песчаного.

почему-то вспомнилась Мария Египетская.

Пусть моя находка будет с оттенком Марии...

При перемещении в иную среду обитания какое-то время работаешь только «на вход». Сенсорный поток, не находя привычных автоматизмов, зависает когнитивным облаком. В моем случае – песчаного цвета с множеством оттенков.

Сегодня десятый день молчаливчества (не считая беседы с верблюдом и дверью жилища:)

Ни слова во вне. Умолк и внутренний самопрезентационный трёп.

Хочу добраться до звучания-консистентности «самости», той что задает паттерны моего Понимания.

Признаюсь, со мной три спутника – Славой Жижек со свом «Накануне Господина», Мюррей Стейн «В середине жизни» и Михаил Аркадьев «Лингвистическая катастрофа». Вычитываю их монологи, пытаюсь уловить исповедальный оттенок их хода мысли с уникальной минерализацией. (Песок, то бишь диоксид кремния, может содержать до пятидесяти дополнительных минералов. Они то и придают оттенки).

Что движет генерирующим текст? Избыточность собственной лингвистической области? Внутреннее удовлетворение сделанностью Понимания и самим процессом Сделанности? Локальная иллюзия со-зидания и само-встраивания в нелокальную матрицу творчества?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.